

Александр Борисович Сидоров

Сказ о рыбаке и рыбке желтой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42342686

SelfPub; 2019

Аннотация

Невероятная история о рыбаке из сельской глубинки, выудившем удивительную рыбу, и о дальнейших последствиях. Описывает сельский быт современной деревни.

– Лежит и лежит целыми днями, поди, уж все бока отлежал. – Стоя на коленях перед диваном с лежащим на нем престарелым супругом, Агафья Карповна половой тряпкой, коей служили старые кальсоны деда, пыталась достать пыль из узкой щели между полом и диваном. – Вонючка перегаром, точно самогон опять с баллона слил, холера тебя забери.

– Не брал я, видит свет, не брал, – Василий Пантелеевич, пожевал губами, – ну сама подумай, старая, как я могу у тебя спереть, коль у тебя все под запором, а?

– Откель я знаю? Только вот в большой бутылки как раз на пол литра меньше стало.

– Хе! – Хмыкнул дед. – Это как же ты определила, коли в двадцатилитровой бутылки уж второй день, как сама отливала, две трети как было, так и есть.

– А почему ты знаешь, сколько там есть? Значит, видел? – Подозрения оформились в уверенность, толкнули к действиям. Цепкая рука, скользнув по лысому черепу, впиалась в остатки волос возле уха. – Ключ сделал, зараза! А ну, давай сюда, все одно, замок поменяю.

– Ой! Пусти, старая, остатки выдерешь, – придерживая одной рукой руку супруги, дед другой извлек из кармана самодельный ключ, – на, забери, отпусти уже, больно.

– Привстав на коленях возле дивана, бабка привычно заголосила.

– Всю жизнь ты мне поломал! У всех мужья, как мужья,

мне ж алкаш достался. Люди живут, как сыр в масле катаются, все в дом, этот все из дому норовит. Господи, да найди уже на него управу! Мало самогон хлещет, так и не делает дома ничего...

– Так, уж и ничего, – парировал дед, – вона, калитку починил.

– Какую калитку! Проволокой привязал, так она опять отвалилася...

– Щас почию, – понимая, что полежать более не удастся, Василий Пантелеевич, кряхтя, поднялся с дивана, у выхода известил свою вторую половину, – потом пойду на Веселку, може, рыбки на жареху поймаю.

Прикрутив кое-как калитку, Василий Пантелеевич, порылся под навесом сарая. Воровато оглянувшись на окна своего старого покосившегося дома, сунул за пазуху початую бутылку самогона из бабкиных запасов. Взял снасти, и, кликнув верного спутника, старого блохастого пса Полкана направился к речке.

На речке, честно разделив пополам краюху хлеба, отдал половину псу, второй занюхал, приложившись к бутылке.

– Вот такая у меня жизнь нелегкая, Полкаша, – начал обычную исповедь терпеливому слушателю Василий. – У всех бабки, как бабки, а мне язва попалась. Каждый день меня пилит...

Пес, прикончив свою половину краюхи, лег напротив. Положив лохматую голову на лапы, приготовился слушать, вни-

мательно наблюдая за манипуляциями хозяина. Налепив на крючок кусочек хлебного мякиша, дед закинул удочку. Поплавок лишь вынырнув, стал дергаться. Дед потянул удочку, крючок был пуст.

– Ты смотри, Полкаша, сразу клюнула. Эдак мы с тобой обрыбимся. Такое дело надо сбрызнуть! – Отхлебнув из бутылки, дед протянул спутнику. Пес недовольно отвернул морду. – Что, не нравится? Глупое, ты Полкан, животное, ничего не понимаешь, ей родной, только от бабки и спасаюсь. Ну, как знаешь.

Отхлебнув еще, рыбак повторил попытку. Поплавок пошел кругами, пару раз нырнул. Дед выдернул удочку, на крючке висел лист водоросли.

– Нет, Полкан, ну ты смотри, что творится. Ну, смотри, ужо, как я ее сейчас подсеку.

Сделав добрый глоток из бутылки, дед налепил свежий мякиш, поплевал на наживку и закинул в Веселку удочку в третий раз. Поплавок задержался, пошел кругами, нырнул раз, другой и пошел на дно. Дед потянул удочку, на крючке висела маленькая желтая рыбка.

Поймав рукой свой улов, дед хотел, было, достать крючок из открытой пасти рыбки как услышал:

– Не ешь меня, старче, отпусти, я твои желания исполню.

Дед обомлел. Помотав головой, глянул по сторонам, потом на бутылку. Поболтав подозрительно в ней содержимое свободной рукой, спросил Полкана:

– Полкан, ты слышал чего? – Пес привстал, заинтересованно глядя не него.

– Договорились? – Вроде как донеслось из рыбки.

– Да, не надо мне ничего. – Машинально ответил дед. Повернулся к спутнику. – Полкан, может, тебе чего надо?

Пес гавкнул, рука с рыбкой сразу отяжелела. Обернувшийся дед к своему изумлению обнаружил в руке вместо рыбки большой кусок бедренной кости коровы с остатками мяса. На водной глади Веселки расходились круги от исчезнувшей рыбки.

– Чертовщина какая-то, – огорчился Василий Пантелеевич, – не иначе, бабка куриного помету в самогон подмешала.

Отцепив крючок от дурно пахнущего мосла, дед, широко размахнувшись, что было сил, метнул кость на другой берег речки. Пес проводил взглядом улетающий мосол, который вдруг на пол пути остановился. Зависнув на мгновение в воздухе, он полетел к Полкану. У самой пасти мосол услужливо притормозил, и пес тут же подхватил его, клацнув по кости зубами.

Не веря своим глазам, и, не спуская глаз с Полкана, дед потянулся за бутылкой. Пес на секунду отвлекся от мосла, зажато между лап, глянул на своего спутника. Дед, широко размахнувшись, что было сил, метнул бутылку с остатками самогона на другой берег Веселки.

– Мать Божия, да что же это я! – Воскликнул Васи-

лий Пантелеевич такой оплошности. Бутылка, провожаемая взглядами рыбаков, чуть не долетев до другого берега Веселки, плюхнулась в воду. – Да что же это я! Бесовщина какая-то. Полкан, – призывая в свидетели, обратился к своему спутнику, принявшемуся грызть свой мосол, – это что за хреновщина такая? Это как же так...? А? Там почитай еще больше половины оставалось. Нет, определенно бабка чего-то в самогон запустила. Ну, старая карга...

2

Настроение улетучилось вслед за исчезнувшей в водах Веселки бутылкой. Василий Пантелеевич, понаблюдав некоторое время за недвижимым поплавком, решил, что на сегодня с него хватит. Смотав удочку, направился домой, удрученный испорченной рыбалкой. Пес, захватив свой мосол, поплелся следом.

На околице у крайней избы дед встретил своего старого друга Ефима, со свертком. Хотел, было, рассказать ему о своей оплошности, но вовремя одумался. Ефим тяжело переживал бы и просто разлитый самогон, а уж утопленную им собственноручно пол-литру, пусть и не полную, не простил бы.

- Обратно ужо?
- Да, язви ее к ...
- А где рыба?
- Да ну ее к лешему, не клюет.

– А я к тебе, – Ефим, заговорчески подмигнув, заголил край свертка, показал горлышко бутылки, заткнутое свернутой бумагой.

– Ну, дык это, пойдём, вона за дом.

За домом Василий Пантелеевич достал оставшийся кусок хлеба. Протянул Ефиму, приложившемуся к бутылке.

– Вот, еще на закуску трохи осталось.

– Крепкая зараза, – отщипнув кусочек хлеба, Ефим передал сосуд товарищу, – карбиду, поди, Верка больше меры набодяжила.

– Крепкая, – подтвердил Василий Пантелеевич, вспомнив недавний печальный опыт, спросил настороженно, – не потравимся?

– Щас проверим, – Ефим обернулся к псу, занимавшемуся поодаль своей костью, – Полкан, третьим будешь?

Отломив кусок хлеба, Ефим с ухмылкой уж хотел привычно плеснуть на него самогону под пристальным взглядом Полкана. Вдруг бутылка вывернулась из рук, сверкнув зеленоватым стеклом, жалостно хрустнула о некстати валявшийся под ногами камень.

– Е... – непечатные выражения слились в длинную витиеватую тираду. Ефим в своей пространной, эмоциональной речи уделил внимание всем. Знакомым и незнакомым. Лицам мифическим и реальным, независимо от положения и сана. Как не странно, особое внимание уделил всем близким, родственникам мнимым и настоящим, ныне живущим

и усопшим. Не оставил своим вниманием Василия Пантелеевича, Полкана, собственно, и себя. Прервавшись на секундочку, обозрел аудиторию. Полкана, безмятежно занимавшегося своей костью в ожидании гарнира в виде остатка хлеба, надобность в котором у выпивох отпала. Приоткрывшего рот Василия Пантелеевича, внимательно слушающего проникновенную речь оратора. Узрев в Василии Пантелеевиче благодарного слушателя, Ефим кинул Полкану остатки хлеба. Опустевший сверток швырнул под ноги, зло притопнув его. Продолжил речь с удвоенной энергией, манипулируя освободившимися руками.

3

У калитки дома Василия Пантелеевича, Ефим оставил рыбаков, даже не попрощавшись. Отягченный безвозвратной утерей, двинулся дальше изливать свое горе сельчанам. Проводив взглядом безутешного друга, Василий Пантелеевич потянул калитку, опять соскочившую с петли. Пропустив вперед пса, пошел под навес положить на место удочку. Появилась Агафья Карповна с кастрюлькой, в которой обычно выносила помои Полкану. Завидев деда, язвительно спросила:

– Ну, и де твой улов?

– Не клюет, – угрюмо буркнул рыбак.

– Вона калитка опять отвалилась, горе рыбак. Никакого проку от тебя нет.

Агафья Карповна направилась к собачьей миске. Полкан, оставив мосол, подошел, помахивая хвостом, встал в ожидании ужина. Хозяйка вылила содержимое кастрюльки в миску и замерла. В собачьей миске были наваристые щи, только что приготовленные. Не веря глазам, понюхала кастрюльку, похлопав глазами, молча кинулась в дом. В кастрюле на плите под крышкой обнаружилась бледная жижа с плавающими кусками хлеба.

– Ты че эт, старая, наготовила? – Раздался голос деда, заглянувшего в кастрюлю через ее плечо.

– Это как же я? – Агафья Карповна, рассматривая содержимое кастрюли, не понимала, как она могла ошибиться. – Это что ж я ему щи отнесла, а помои сюда вылила. Умом тронулась, что ли?

– Точно ...! Видать, на старости лет совсем из ума выжила, – потянув носом, не стал разубеждать свою супругу Василий Пантелеевич, – помоями меня кормить решила?

– Ах, ты, старый черт! Ты еще потешаться надо мной будешь?

Мокрая тряпка для мойки посуды смачно вцепилась в лысину опрометчиво высказавшемуся супругу. Осознав пострадавшей частью тела свою оплошность, Василий Пантелеевич мухой вылетел из хаты, укрывшись за входной дверью от распалившейся супруги. Дверь толчком отдала в спину, смягчив удар чего-то брошенного ему вдогонку. По грохоту, перекрывшему стенания Агафьи Карповны, Василий Панте-

леевич смекнул, что спасся за дверью от сковородки. Возмущенный крикнул через дверь.

– Ты что, старая, совсем с катушек съехала? Зашибить же могла.

Не будем доводить до искушенного слуха читателя ответ Агафьи Карповны. Ибо он может решить, что, дожив до преклонных лет, сия особа обладает буйным характером и непотребством действий. К тому же не отличается богобоязненностью, присущей людям почтенного возраста, что, конечно же, не соответствует действительности.

– Вот же расходилась, старая, – пожаловался Василий Пантелеевич Полкану, – Поди, сегодня я без ужина остался.

Полкан, отвлекшись от своей миски, глянул на хозяина. Василий Пантелеевич, собиравшийся, было, уже присесть на завалинку, подошел и стал почесывать Полкана, продолжившего свою трапезу.

4

Утром Василий Пантелеевич выгнал соседских гусей, щипавших шелковистую травку у собачьей будки. Он мог голову на отсечение дать, что в этом месте, старательно вытоптанном еще предшественником Полкана, отродясь ничего не росло. Сейчас Полкан безмятежно спал на маленьком островке изумрудно-зеленой травы, положив лапу на свой мосол. Приоткрыв глаз на хозяина, выгоняющего гусей, пес лишь зевнул. Вздохнув, повернулся на другой бок, продол-

жив свое нехитрое занятие.

Василий Пантелеевич, почесав лысину, пошел под навес, извлек покрытый пылью инструмент, направился к калитке. Снял калитку, удалив всю ранее намотанную им проволоку. Удалил подгнивший столб, державшийся ранее лишь за счет поредевшего штакетника. Изготовил новый столб, выбрав из заброшенного штабеля пиломатериалов подходящее бревно. Выкопав ямку, установил новый столб, навесил калитку. Не ограничившись этим, вывернул другой столб, пребывающий в аналогичном состоянии, принялся за работу.

Вышедшая, было, во двор Агафья Карповна, изумленная происшедшей с супругом метаморфозой шагнула, обратно в дом. Тихо прикрыв дверь, некоторое время наблюдала в щель за мужем, боясь спугнуть последнего. Перекрестившись, удалилась на кухню, тихо громынув тазом, явно собираясь ставить опару.

Увлечшийся Василий Пантелеевич, приладил запор на калитку к новому столбу. Принялся за штакетник. Удалил из прорех палки, жестянки, проволоку, неумело намотанную супругой в желании, хоть как-то ограничить доступ во двор живности, бродящей по улице. Не найдя в штабеле необходимого материала, раскопал под навесом давно забытую циркулярку. Заменяв высохший растрескавшийся ремень, запустил пилу. Распустив доску на штакетины, заметил частью пришедшие в негодность перекладыны. Изготовил новые перекладыны, затем и новые столбы.

Скоро со стороны улицы дом Василия Пантелеевича украшал добротно отремонтированный, частью новый, штакетник. Калитка мягко ходила на петлях, не цепляя землю, заперлась на любовно прилаженный засов.

Удовлетворенно осматривая свое творение, Василий Пантелеевич, не найдя других ценителей, окликнул Полкана.

– Полкан, ну, как тебе? Каково, а?

Пес лениво окинул созданное творение. Усевшись на зад, закинул лапу. Лениво махнув ею пару раз пытаясь скребануть за ухом, глянул на хозяина, собиравшего инструмент. Василий Пантелеевич отложил инструмент, подошел к Полкану и старательно почесал его за обоими ушами.

Прибрав инструмент, направился в дом. Из-за двери пахло свежими пирогами.

– Мать, ты, никак, пирогов напекла?

– Твои любимые, иди отведай, пока свежие, – сняв полотенце с пирога, украшавшего собою стол, ласково добавила, – уработался, поди.

Василий Пантелеевич чинно уселся за стол. Супруга, смахнув украдкой слезу умиления, плеснула в стопку сто граммов из старых запасов. Хозяин выпил для аппетита, крякнув удовлетворенно, отмахнул добрый кус пирога. Уже собравшись отправить его по назначению, вдруг поднялся. Выйдя во двор, отдал его потягивающему ноздрями ароматный воздух Полкану. Агафья Карповна даже возмутиться не успела.

Плотно заправившись поздним обедом, Василий Пантелеевич, было, уселся на свою любимую завалинку, как его окликнула Варвара. Соседка, склочная сухая старуха, звала из-за плетня. По твердому убеждению Василия Пантелеевича, она сжила со света своего мужа, и теперь искала новую жертву.

Варвара всегда находила повод для ссоры, о которой сама моментально забывала, тут же обращаясь за каким-нибудь делом. Либо увлекшись забывала о своей обиде, начинала перемалывать косточки персонажу, отстоящему от предмета данной ссоры. Кроме того, она считала своим долгом донести все обстоятельства инцидента сельчанам, обернув их безусловно в свою пользу. Попавшие в сети Варвары имел мало шансов, исчезнуть не выслушав ее. Наделенная упорством и самоотверженностью как истинно русская женщина, Варвара использовала эти качества по своему усмотрению. Готова была за слушателем лететь галопом со скоростью ахалтекинского жеребца, или вовсе его остановить. Шагнуть в горящую избу, лишь бы окончить свой рассказ. Сельчане свыкшиеся с особенностями Варвары, относились к ней, как явлению стихийного бедствия, которое надо пережить.

На лето к ней привозили внука – грозу кошек и другой живности. Малый отличался необузданным нравом избало-

ванного ребенка, не знавшего ни в чем отказу. Варвара души не чаяла в своем внуке, всегда занимая его сторону в любой его шkode. Маленький пройдоха, поняв свою силу, после любой проказы стремглав летел под защиту своей бабки. Народ, зная характер последней, предпочитал с ней не связываться, махнув рукой на ее внука твердо решив: «Потом сами намаетесь».

Особое удовольствие огольцу доставляло стрелять в Полкана из рогатки. Не раз пойманный с поличным за такой проказой, он отнекивался от своих деяний. Варвара же в его защиту ставила в укор миролюбивому псу, де он кидается на ребенка, и только плетень уберегает его и ее дом от бесчинств «бешенной» собаки. Даже выразила предположение, что ее внук таким способом защищается от притязаний свирепого пса. Полкан, верно поняв бесперспективность аргументов в свою защиту, решил не связываться. Завидев в огороде проказника, прятался за будку, или уходил под навес, где был недосягаем для него.

– Василий! Ты зачем моего внука подбил?

– Какого внука? – Недоумевал Василий Пантелеевич, подойдя к плетню. – Ты пошто понапраслину возводишь?

– Какого-какого? Вот этого. – Потянув за руку огольца одиннадцати лет от роду, представила его перед собой на обозрение. – Витенька, ну-ка, покажи глаз этому извергу рода человеческого.

Выдвинутый вперед за руку пострел, шмыгнув носом,

убрал руку, прикрывающую глаз. Под левым глазом отливал багрово-синим свежий синяк. На шум подошла Агафья Карповна. Взбодренная ее присутствием Варвара начала.

– Я вас всех в полицию упеку. Это где видано, камнями в детей кидать! Я вам устрою Кузькину мать! Всех пересажую! – Тряхнула за руку внука. – Витенька, ну рассказывай, чего молчишь? Рассказывай, как дело было. У-уу, ироды!

– Я в огороде игрался, – хлюпая носом, начал свою версию внук, – а этот возле будки развалился, – кивнув в сторону поднявшегося Полкана, обозначил персонаж своей трагедии, оголец, – я только посмотрел в его сторону, и тут мне камнем из-за забора прям в глаз... Знаете, как больно?

– А! Что я говорю! – Торжествуяще воскликнула Варвара. – Ребенка, камнем... И как только рука на ребеночка поднялась! Я вам устрою! Я вам покажу, как детей бить ...

В подтверждение своих слов Варвара, подняла свободную руку. Сжав костистый кулак, с развороту, поставленным ударом боксера, со всего маху засветила внуку под другой глаз. Внук удержался на ногах исключительно за счет левой руки своей бабки, приведшей его сюда на разборки. Сорванец, истошно завопив, выдернул свою руку из руки оторопевшей Варвары. Схватившись за глаз проказник, оглашая окрестности воплем, кинулся наутек в дом.

– Мама рОдная! Да, как же... – только и смогла сказать Варвара, кинувшись вслед. – Витенька! Родненький! Внучек мой! Кровинушка моя... – доносились причитания баб-

ки, перебивающие вопли внука.

Василий Пантелеевич и Агафья Карповна, засвидетельствовавшие сцену, недоуменно уставились друг на друга.

– Чего это с ней? – спросила Агафья Карповна.

– Лютует Варвара. – потеряв щеку подвел итог, Василий Пантелеевич.

6

Солнце, истомившись за день, клонилось к закату, отбрасывая длинные тени. Вечерело. Легкий ветерок начал заполнять воздух вечерней прохладой, неся луговой аромат, сдабривающий сельскую атмосферу, наполненную звуками домашней живности. Далеко за околицей раздался нарастающий стрекот инородным звуком, нарушающий сельскую симфонию.

– Тимоха, как часы, – отметил Василий Пантелеевич, – сено прет.

– Он-то прет. А с тобой козу и ту продали. – Кольнула супруга.

– Молока мало давала. – Махнул рукой дед.

– Сколько давала – все наше.

– Так ты ж сама причитала, бесово отродье, во двор выйти не дает, – оправдался Василий Пантелеевич, – кто грозился ее на мясо пустить?

– А кто виноват? Разве можно козу с собакой держать? Сколько говорила – сарайчик оборудовать? Так тебе – как

о стенку горох. «Пушай с Полканом, у них вона любовь, он за ней присматривает. Никто козочку не тронет». А? – Припомнила слова Василия Пантелеевича. – Дурья башка, лишь бы ничего не делать! Вот она и выросла с Полканом, как собака.

– Ну, дак... – не найдя чего возразить, вставил, – сама же сказала – пойди, продай эту бодливую заразу, не то грозилась ее вилами заколоть.

– А ты и рад стараться. Только на те деньги, что ты за нее принес и козленочка не купишь. Все прожрал.

– Так это, не сезон. Потом кто ж за нее цену даст, коли она на всех, как собака кидается. Все знают, Тимоха, вон, вообще обещал ей рога с башкой отвернуть, ежели она еще Рябуху боднет.

– Брешешь, ты все, – не унималась Агафья Карповна, – приперся пьяный, так я еще неделю потом у тебя бутылки изымала...

Назревающую перепалку пресек Тимоха. Наполнив свежий вечерний воздух громким шипящим стрекотом прогоревшего глушителя, оставляя за собой сизый шлейф дыма, мотороллер повернул на их улицу. Грузеный копной сена с торчащим как флагшток древкомвил, аппарат заглох, только въехав в улицу. Было слышно, как Тимоха, используя силу инерции, затем кикстартер, пытается завести мотор. Тщетно. Переваливаясь на колдобинах грунтовок, покачивая флагштоком, творение человеческого гения окончательно оста-

новилося посреди дороги, прокатившись чуть дальше дома Василия Пантелеевича.

– Пойду – посмотрю, чего там, – нашел повод смыться от распяляющейся супруги Василий Пантелеевич.

Тимоха, сельский механизатор, уже снял кожух с двигателя, вкручивал новую свечу.

– Свеча накрылась? – Спросил участливо Василий Пантелеевич.

– Да, вроде искра есть, может, пробило, щас другую подкину.

Затянув новую свечу, и, накинув на нее колпачок, Тимоха дернул пару раз кикстартер. Мотор даже не чихнул.

– Может, компрессии нет. – Со знанием дела предложил Василий Пантелеевич.

– Да, куда она денется, на той неделе кольца новые поставил. – Почесал лоб Тимоха. Тем не менее, выкрутил свечу. Заткнув пальцем отверстие, дернул кикстартер. Прокомментировал свистящий звук из-под пальца. – Компрессия – что надо, палец вышибает. Наверное, зажигание сбилось. Щас заведется, куда он на хрен денется.

Надвинулись сумерки. Проковырявшись изрядно с неподававшим признаки жизни мотороллером, Тимоха плюнул на это дело. Собрав разложенный инструмент, части полуразобранного двигателя, попросил Василия Пантелеевича помочь ему. Сговорились за магарыч дотолкать груженный транспорт до дома Тимохи. Общими усилиями аппарат стро-

нулся с места. Покачивая флагштоком – вилами, транспортное средство тихо двинулось в заданном направлении. Темной копной, не нарушая своим треском и едкими газами сельской гармонии, мотороллер, слегка шурша шинами, поплыл к месту назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.